

ОСВОЕНИЕ БАССЕЙНА РЕКИ ВИЛЮЙ ЯКУТСКИМИ РОДАМИ В XVI–XVIII вв.

Рассматриваются ранние этапы освоения якутскими родами бассейна р. Вилюй. На основе письменных и фольклорных источников, а также археологического материала проведена попытка реконструкции социальных и хозяйственных условий XVII–XVIII вв., приведших к распространению якутов на обширные пространства Якутии. Предполагается, что главной причиной передвижений якутов в XVI–XVIII вв. являлся их кочевой образ жизни. Эти перекочевки были запрещены русской администрацией в середине XIX в., что привело к оседанию большей части якутов.

Ключевые слова: якуты; этническая история; Вилюй; вилюйские якуты; история Якутии; этнолокальные группы якутов; родоплеменной состав; кочевание; исторические реконструкции.

Введение. Вилюй протяженностью 2 650 км является крупнейшим левым притоком р. Лена. Её бассейн занимает 454 тыс. км². По широко распространённому в историко-этнографической литературе мнению, якуты до прихода русских казаков в первой половине XVII в. представляли собой компактную группу и проживали в основном на долинах Средней Лены и территории Амгино-Ленского междуречья, в то время как весь бассейн Вилюя был населён тунгусо-манчжурскими племенами, за исключением нескольких якутских родов в его нижнем течении. С критикой подобного мнения выступил Г.В. Ксенофонтов в своём труде «Ураанхай сахалар» [1]. В результате глубинного анализа исторических преданий вилюйчан он пришел к выводу, что якуты являлись исконными насельниками бассейна Вилюя. Более того, по мнению автора, Вилюй заселялся колонистами непосредственно из Прибайкалья, и, соответственно, вилюйские якуты являлись более древним подразделением якутского народа. Большинство советских и современных исследователей придерживаются мнения, что массовое переселение якутов на Вилюй началось во второй половине XVII вв., т.е. уже в порусскую эпоху [2–6].

Целью настоящего исследования является изучение ранних этапов истории вилюйских якутов. Мы не можем претендовать на полный и всесторонний охват изучаемой темы ввиду малочисленности оперируемого материала, однако можем внести некоторые коррективы в устоявшиеся в науке взгляды на время и характер освоения якутскими родами новых территорий, а также причин, приведших к этим переселениям.

Для удобства ориентирования в обширном вилюйском крае мы, вслед за Г.В. Ксенофонтовым, разделили его на два условных региона: Юго-Западный Вилюй – территория современных Сунтарского, Нюрбинского, и Верхневилуйского районов и Северо-Восточный – Вилюйский и Кобяйский районы. Больше всего вопросов вызывает время миграции якутских родов на территорию Юго-Западного Вилюя, ввиду чего в данной статье основной акцент будет сделан именно на этот регион.

Результаты исследования. Во второй половине 30-х гг. XVII в. русские первопроходцы во главе с Воином Шаховым на Северо-Восточном Вилюе объясчили «пеших якутов» Кокуйского, Кирикского и Осекуйского родов [3. С. 31–34]. Основным занятием этих родов являлось рыболовство, численность их

составляла около 200 человек. К концу 30-х гг. был наложен ясак на 50 человек Тагусского рода «конных якутов». Позднее вместе с тагусцами объединились якуты Олеской и Оргётской волостей. В 1639 г. в Тагусскую волость, после убийства промысловиков, переселяется кангаласский князец Сахей со своим родом, за которым в 1640 г. был отправлен отряд казаков во главе с Семёном Дежнёвым [7. С. 40]. В документах значится, что сам Сахей объяснял свой переезд «за бедностью». В 1641 г., оценивая общую численность населения вилюйского региона, Воин Шахов пишет: «...иноземцев де с усть Вилюя реки и вверх по Вилюю ясачных и неясачных якутов и тунгусов с 3 000, а ясак де государю дают немногие люди...» и просит послать на подмогу еще полтора человека, так как «можно сороков 100 и больше собрать на год, а ныне де на усть Вилюя и вверх Вилюя реки иноземцы якуты и тунгусы и по Варке побивают промышленных людей» [1. С. 248–249]. Позднее в земли Средневилуйского и Нижневилуйского зимовий переселялись и другие роды якутов из центральных волостей.

Архивные данные не дают нам повода считать, что якуты переселились на Северо-Восточный Вилюй только в порусскую эпоху. А.И. Гоголев предполагает, что скотоводческие группы могли проникнуть на среднее течение Вилюя в XVI в., что подтверждает археологический материал, обнаруженный в 80-х и 90-х гг. на поселениях Чабыда, Харандас, Нучча-Кюэль-I-II, Хохочой I-II и Сымалыыр (Вилюйский район), относящийся к кулун-атахской культуре XIV–XVI вв., с которой связано происхождение якутского народа на Средней Лене [6. С. 68; 8. С. 206; 9. С. 61]. А.Н. Алексеев также считает, что территория современных Верхневилуйского и Вилюйского районов была заселена якутами задолго до прихода первых русских казаков [10]. Нужно полагать, что пешие якуты Кокуйского, Кирикского и Осекуйского родов являлись потомками носителей средневековой археологической культуры «малых домов», открытой А.П. Окладниковым в низовьях Вилюя и интерпретированной А.И. Гоголевым как бесскотоводческий вариант той же кулун-атахской культуры. Коренные вилюйские роды якутов Б.О. Долгих объединяет часто встречаемый в легендах вилюйчан этнонимом *тумат* [2. С. 468–469].

Главным аргументом тезиса об отсутствии якутов на Юго-Западном Вилюе являются донесения А. Доб-

рынского и М. Васильева, объяснявших в 1630 г. около устья р. Мархи (совр. Нюрбинский район) только тунгусские роды. Исходя из письменных источников, можно предположить, что впервые якутские племена появились в пределах Юго-Западного Вилюя в связи с восстанием якутов в 1634 г. После снятия двухмесячной осады Якутского острога атаман О. Галкин во главе отряда в 150 человек отправляется в земли кангаласцев – наиболее непокорных из якутских племён. Операция заканчивается провалом, так как все повстанцы отходят за р. Лену и «окружающие Якутский уезд горы, по-видимому, к реке Вилюю» [6. С. 69; 11. С. 69]. Казаки в течение семи дней преследовали отступающих якутов, однако не смогли их догнать и привести под «государеву руку».

В 1641 г., в приведённой выше отписке, Воин Шахов ясно даёт понять, что на верховьях Вилюя и по р. Мархе проживает достаточно большое количество неясных якутов [1. С. 245–251]. Признаёт Шахов и свою беспомощность в покорении этих родов, что неудивительно: в результате шестилетней экспедиции на Северо-Восточном Вилюе из его отряда в 38 человек в живых остаётся всего 15 [7. С. 24]. В 1643 г. переселяются «с прежнего своего житья с Лены реки на Вилюй реку с устья Сины реки кангаласские конные якуты князец Бойдон да Трека и Оросей со многими якутами и стали жить с ясашными тунгусами на их жительство между Вилюем и Варкою» [3. С. 48]. Бойдон не оседает на Вилюе: архивные документы показывают, что бордонцы позже возвращаются на Среднюю Лену [Там же. С. 49]. Несмотря на то что подобные случаи повторялись неоднократно в 40-х и 50-х гг. XVII в., якуты стали постоянными плательщиками ясака в Верхневилюйском зимовье только с 60-х гг. [2. С. 470]. В 1651 и 1652 гг. из-за эпидемии оспы в Олёкминске на Вилюй переселяются якуты князцов Кангаласского и Бордонского волостей Оргузя и Куреяка [3. С. 47; 7. С. 118]. Через несколько лет они возвращаются на Олёкму.

К концу XVII в. население Юго-Западного Вилюя значительно увеличивается за счёт переселенцев из центральных волостей, преимущественно с территории современных Хангаласского (кангалассцы, бордонцы и ярканцы) и Намского (намцы, одейцы и одугейцы) районов [12. С. 94–95]. Колонисты продолжали состоять в ясачных списках своих «подгородних» волостей, что усложняет точное определение численности вилюйских якутов [2. С. 470–471]. Постоянный приток населения в бассейн р. Вилюй и обратный его отток на Среднюю Лену наблюдаются на всем протяжении XVII в. и продолжают до второй половины XVIII в. Статистические данные показывают, что наиболее крупные переселения приходятся на 20-е и 30-е гг. XVIII в. [13. С. 58].

Совсем иная картина освоения Юго-Западного Вилюя излагается в генеалогических преданиях якутов Сунтарского и Нюрбинского районов. Легендарная история приурочивает момент «исхода» якутов на Вилюй ко времени *кыргыз уйэтэ* (як. *век сражений*), т.е. времени межплеменных войн якутов в дорусскую эпоху. Легендарная прародительница сунтарских и нюрбинских якутов туматка *Джархан* после уничто-

жения её племени тунгусами-нырбагатами спасается бегством, спустившись на лодке-берестянке по Вилюю к р. Лена. Тут её находит тойон кангаласского племени Тыгын и отдаёт в качестве младшей жены (як. *оджолуун*) своему отцу *Мунняну*. От этого брака рождаются несколько сыновей – *Ырыа Быркынаа*, *Тойук Булгудах*, *Босхон Бэлгэти* и *Алаа Кырсын* [14, 15]. Возмужав, братья не сносят притеснений Тыгына и по совету своей матери переселяются на Вилюй. Истребив нырбагатов, они становятся прародителями вилюйских якутов. По наиболее ранней версии данного фольклорного сюжета, зафиксированной Я.И. Линденау в 40-х гг. XVIII в., Джархан представляется первой женой Мунняна, а её сыновья Каджага и Дедудор – законными его наследниками. Сам Тыгын назван отпрыском от младшей жены из рода *Мэнэ*. Конфликт Тыгына с братьями, по версии Линденау, стал результатом нарушения порядка «престолонаследия»: Муннян, минуя старших сыновей, передал власть над якутами и титул *Тойон-Ууса* (як. *господский род*) своему любимцу Тыгыну [16]. От этой несправедливости среди кангаласцев происходит раскол, приведший к внутриволостной войне, в результате которой сыновья Джархан переселяются со своими сторонниками на Вилюй. Исходя из этих легенд, можно предположить, что переселение якутов на Вилюй произошло к началу становления Тыгына в качестве племенного вождя, т.е. за десятилетия до прихода первых русских казаков. В генеалогических схемах, составленных по казачьим документам, значителен, что одного из сыновей Мунняна (Мундзяка) звали Гадакай, что сопоставимо с фольклорным Каджага Я.И. Линденау [17]. В дополнениях к Актам историческим, связанных с делом Балтуги Тимиреева, поднявшего восстание якутов в 1675–1676 гг., фигурирует князец Ярканской волости Таркай Быркынин, посланный казаками для переговоров с повстанцами. В имени этого князца легко угадывается персонаж вилюйских легенд богач *Таркаайы Баай*, старший сын Ырыа Быркынаа. Там же упоминаются якуты Тюбей Булгудаков и Бюлюсют Кырсынов, которые могли являться сыновьями легендарных Тойука Булгудаха и Алаа Кырсына. Факт того, что некоторые персонажи преданий вилюйчан коррелируются с реальными личностями, жившими в XVII в., даёт нам основание усмотреть в вилюйском цикле легенд определённую долю историчности. Сыновья Джархан не являлись первыми якутами, заселившими Юго-Западный Вилюй. В легендах прослеживается сюжетная линия войны братьев с опередившим их бордонским родом якутов, во главе которых стоял шаман *Тююлээх Тюнюрдээх Тюлюён*. Только после победы над бордонцами сыновья Джархан смогли объявить себя повелителями вилюйского края [14].

В таком случае остаётся открытым вопрос, почему казаки не встретили якутов на территории Юго-Западного Вилюя? Мы можем выдвинуть предположение, что конные группы бордонцев, жарханцев и кангаласцев, которые уже могли обитать на Вилюе, были достаточно мобильными, чтобы по мере продвижения казаков на восток *откочевать* в Центральную Якутию и, соединившись с родственными рода-

ми, встретить чужеземцев на Лене. Мотив возвращения на Среднюю Лену присутствует в фольклоре: Ырья Быркынаа с войском отправляется спасать Тыгына и кангалассцев от нападающих врагов, после победы над которыми следует примирение братьев [14. С. 172]. Ранние исследователи обращали внимание на масштаб расселения якутских родов в короткие сроки на всей территории Якутии. В.Л. Серошевский с удивлением пишет о «чудесном перемещении... огромного количества людей на обширнейшие пространства» [18. С. 214]. Такие «чудесные перемещения», возможно, связаны с некоторыми особенностями ведения скотоводческого хозяйства, которые могли существовать у якутов в XVII в. Якуты, как потомки кочевников центральноазиатских степей, должны были сохранять способности к перекочёвкам на большие расстояния, не ограничиваясь переходами между зимниками и летниками.

По мнению Г.П. Башарина, предки якутов на начальных этапах переселения на территорию Якутии («во времена Эллея» – легендарного первопредка якутов) являлись кочевниками, так как «быстрое расселения скотоводов... в бассейне Средней Лены и на Амгино-Ленском плоскогорье было возможно лишь в условиях передвижения, кочевого образа жизни» [13. С. 88–89]. По мере адаптации южных пришельцев к суровым климатическим и ландшафтным особенностям северных широт кочевание уступило оседлому образу жизни и якуты выработали систему пастбищно-сенокосного скотоводства. Однако отступление кангаласских родов от преследовавших их казаков в описанном выше восстании 1634 г. говорит нам о том, что якуты в это время придерживались традиций скотоводства. Переселение волости, численность населения которой доходило до нескольких тысяч человек, с массами конного и рогатого скота в боевых условиях потребовало бы наличия отученной сноровки, слаженности действий, отличного знания местности и значительного количества ездовых лошадей. Казаки не раз жаловались, что объясачивание якутов вызывает определённые трудности, так как они «люди конные» и за ними трудно угнаться: «...на твоих государевых непослушников ходить невозможно, и их огрозить с конем нечем...» [7. С. 67]. Немало способствовало подвижности якутских родов значительное превосходство конного скота над рогатым. К примеру, в конце XVII в. удельный вес рогатого скота Ярканской волости занимал всего 23% от общего поголовья [13. С. 78]; в результате нападения якутов Атамайской и Маганской волостей на тогусцев было отбито 200 лошадей и всего 10 коров; в 1648–1649 гг. батулинский якут Кункей Тымкин заявлял об угоне 300 лошадей и 110 голов рогатого скота [Там же. С. 72]. Частые передвижения многочисленных якутских родов фиксировались на всём протяжении XVII в. [3. С. 46–49]. Якуты, прибыв на новые земли, не сразу приживались на месте и через некоторое время продолжали движение. Известны «скитания» одейского якута Инелте Делдеева с товарищами, которые в долгих поисках земель «совершали движение с севера на юг и, наоборот, с юга на север, туда и обратно шли месяцами, не имея тёплых помещений и

сена...» [13. С. 65]. Склонность к частой перемене местожительства в XVII в. демонстрируют в основном только жители четырёх крупнейших долин р. Лена – Туймаады, Энсиэли, Эркээни и Самартая. Население Амгино-Ленского междуречья, отличающегося обилием *аласов* (небольших термокарстовых ложбин), в этом плане показывает большую статичность – якуты Мегинской, Борогонской, Дюбсюнской, Батурусской, Сыланской и других волостей (несмотря на участие в восстаниях, эпидемии, стремительные темпы роста численности населения и иные факторы) никогда массово не переселялись на новые земли, оставаясь на своих «породных» местах.

Таким образом, мы получаем две группы якутов – «долинных», отличавшихся высокой мобильностью, и «аласных», т.е. статичных. Отголоски такого разделения, видимо, сохранялись и в XVIII в. Так, в описании Якутска, составленном И.К. Кириловым, можно встретить следующее утверждение: «А кругом того города кочуют, а другие жильем живут, иноземцы якуты...» [19. С. 64]. Заметим, что почти все исследователи и путешественники XVIII в. определяли скотоводческое хозяйство якутов как кочевое [Там же. С. 146]. М.Ф. Косарев пишет, что в пределах одного степного общества возможно сосуществование противоположных тенденций: «с одной стороны, тенденция к оседлости (у беднеющей части кочевников, по мере уменьшения количества скота), с другой стороны, возрастание “таборности” (у богатееющей части общества, по мере увеличения численности стад)» [20. С. 47]. В исторических преданиях кангаласский Тыгын предстаёт богатым владельцем бесчисленные табуны и стада с множеством воинов и челяди, в то время как прародители якутов Амгино-Ленского междуречья (Майагатта Бэрт Хара, Батас Мендукээн, Баарагай Баатылы, Ураанай Боотур и др) являются бедняками и рыбаками [4, 14, 21]. В некоторых легендах кангалассцы прямо указываются как «чисто кочевой народ – *кёс дьон*» [22. С. 70].

Следует отметить, что перемещения «долинных» якутов, по всей видимости, не являлись циклическими или сезонными; они совершались от случая к случаю и по разным причинам; эти перекочёвки не были полноценным таборным кочеванием и представляли собой всего лишь его пережитки. Мобильность «долинных» якутов позволила им стать той доминантной группой (по А.В. Головнёву), которая освоила и заселила большую часть пригодных для скотоводства территорий Якутии. Касательно военного превосходства кочевых племён над оседлыми жителями А.В. Головнёв пишет: «Для мобильных агентов управления оседлые селения были удобны не только как “статичная мишень”, но и как надежные уголья, искусственные резервуары пищи и женщин» [23. С. 150]. О подобном отношении «долинных» якутов к жителям восточных волостей повествует множество легенд, в которых воинственные кангалассцы всегда выступают в качестве агрессоров, ведущих хищнические войны [4, 14].

В связи с подвижностью первых колонистов возникают трудности археологической фиксации присутствия якутов в данном регионе. Наиболее древними

археологическими объектами на Юго-Западном Вилюе являются погребения Тымпы и Ойгос-Тумула, обнаруженные на территории Кангаласского и Аканинского наслегов Нюрбинского района и датируемые 1640–1690 и 1510–1670 гг. соответственно [24. С. 66].

Заключение. Таким образом, мы приходим к двум основным выводам. Во-первых, нет сомнения, что Северо-Восточный Вилюй заселялся задолго до прихода первых русских казаков, это подтверждается частично археологическим материалом и подкрепляется письменными источниками. Если устья Вилюя (Кобяйский район) обитали немногочисленные роды «пеших якутов», занимавшихся рыболовством, то его среднее течение (Вилюйский район) уже было занято скотоводческими родами.

Во-вторых, можно заключить, что Юго-Восточный Вилюй заселялся в несколько этапов: освоение данного региона началось, по всей видимости (по косвенным доказательствам), задолго до появления первопроходцев в Ленском крае и затянулось до второй половины XVIII в., когда намечается окончательная стабилизация численности населения вилюйских улусов. Прекращение перекочёвок якутских родов, возможно, связано со строжайшим запретом русской администрации на перемещения якутов без разрешения со стороны властей, введённом в середине XVIII в. Картина освоения Вилюя якутами, представленная в нашей статье, позволяет значительно расширить изначальный ареал обитания якутских родов в дорусскую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ксенофонов Г.В. Ураанхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск : Нац. книж. изд-во РС(Я), 1992. 415 с.
2. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Наука, 1960. 623 с.
3. Парникова А.С. Расселение якутов в XVII – начале XX вв. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1971. 152 с.
4. Окладников А.П. История Якутии. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск : ЯКУТГОСИЗДАТ, 1949. 439 с.
5. Константинов И.В. Происхождение якутского народа и ее культуры // Якутия и ее соседи в древности: Труды Приленской археологической экспедиции. Якутск : Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. С. 106–173.
6. Гоголев А.И. Обзор этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. Якутск : Гос. уч. АН РС(Я), 2008. С. 66–72.
7. Якутия в XVII веке (очерки) : сборник под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1953. С. 438.
8. Дьяконов В.М. Кулун-атахские памятники долины Туймаады // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. / отв. ред. С.Ф. Татауров, Л.В. Татаурова, Н.А. Томилов. Омск : Ханты-Мансийск : Изд-во Омск. педаг. ун-та, 2002. С. 206–208.
9. Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. М. : Наука, 2013. 599 с.
10. Алексеев А.Н. О времени заселения якутами бассейна Среднего Вилюя // Тюркский мир: Монголия и Якутия : сборник. Улан-Батор, 2007. С. 197–201.
11. Миллер Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Вост. лит., 2005. Т. III. 598 с.
12. Николаев С.И. Основные этапы этнической истории вилюйских якутов // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. 1957. Вып. 27. С. 90–98.
13. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). М. : Арт-Флекс, 2003. 447 с.
14. Элэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов / Г.В. Ксенофонов. М. : Наука, 1977. 247 с.
15. Степанов Н.Т. Ньырбакаан удьурдара (былыргы эһэннэр уонна кэпсээннэр). Якутск : Полиграфист, 1991. 182 с.
16. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) : Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Книж. изд-во, 1983. 176 с.
17. Токарев С.А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск : Якут. книж. изд-во, 1945. 414 с.
18. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 1993. 713 с.
19. Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии XVII–XVIII вв. М. : Наука, 1974. 287 с.
20. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М. : Наука, 1991. 302 с.
21. Ушницкий В.В. Вопросы изучения ранней этнической истории и родового состава народов Якутии. Якутск : ИГиИПМНС СО РАН, 2014. 144 с.
22. Васильев В.Е. Имперская политика России в Якутии: взгляд этнографа на историю российского периода в Северо-Восточной Азии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015. № 1 (10). С. 66–71.
23. Головин А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург : Волон, 2009. 496 с.
24. Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам Саха-французской археологической экспедиции). Якутск : Издательский дом СВФУ, 2012. 226 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 ноября 2016 г.

EXPLORATION OF THE VILUY RIVER BASIN BY YAKUT CLANS IN THE 16TH–18TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 98–102.

DOI: 10.17223/15617793/414/15

Denis M. Petrov, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: dmpetrov-92@mail.ru

Keywords: Yakuts; ethnic history; Viluy; Viluy Yakuts; history of Yakutia; ethnolocal groups of Yakuts; tribal structure; nomadism; historical reconstruction.

The article is devoted to the study history of ethnolocal groups of Yakuts in the South-West Viluy. The Viluy River is the largest left tributary of the Lena River. At the end of the 19th century in Suntar, Marhiinsky (Nurbinsk) Verkheviluyisky and Sredneviluyisky (Viluysky and Kobyayskiy) encampments located in its basin, there were about eighty thousand people (a third of the total number of people). This made Viluy district one of the main centers of the Yakut settlement. The historical and ethnographic literature assumed that the Yakut clans massively settled in the Viluy basin after the arrival of the first Russian Cossacks in Yakutia in the middle of the 17th century. This opinion is based on the archival data, and is still regarded as axiomatic. However, most of the historical legends of the Viluy Yakuts state that the settlement of the Viluy River took place in the era of interclan wars before Yaku-

tia's annexation to the Russian state. The idea of the early settlement of the Viluy Basin is supported by the discovery in the North-East Viluy (Verkhneviluy and Viluy areas) of monuments of the Kulun-Atakh archaeological culture, which dates back to the 14th–16th centuries, and which is associated with the origin of the Yakuts in the Middle Lena. At the same time, these cultural monuments are not found in the South-West Viluy (territory of Suntarsky and Nurba areas) and on the territory of the Middle Lena valleys, from where most of the colonists were. The archival data show that the migration of the Yakuts from the Lena River to the South-West Viluy and forth continued for a long time, until the mid-18th century. The analysis of oral and written sources shows that these migrations were connected with the nomadic way of life of the Yakut clans. This explains the absence of the Kulun-Atakh culture in the South-West Viluy because representatives of this culture are characterized by settled economy. The predominance of horses over cattle contributed to the mobility of the Yakut clans, who explored new lands. Thus, it can be concluded that by the arrival of the Russian Cossacks to Yakutia in the middle of the 17th century, the Yakuts had two different types of cattle breeding economy: nomadic and sedentary. Only in the conditions of a nomadic life, the Yakuts could explore the vast expanses of Eastern Siberia. The major reason for Yakuts' migrations was the need for pastures and hunting areas. Russian administration banned unregulated migrations of the Yakuts in the middle of the 18th century. Over time, nomadism gave way to settlement, and its remnants continued to exist only in the most remote and inaccessible regions of Yakutia.

REFERENCES

1. Ksenofontov, G.V. (1992) *Uraankhay sakhalar. Ocherki po drevney istorii yakutov* [Uraankhay sakhalar. Essays on the ancient history of the Yakuts]. Yakutsk: Nats. knizh. izdatel'stvo RS(Ya).
2. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemenny sostav narodov Sibiri v XVII v.* [Clan and tribal structure of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: Nauka.
3. Parnikova, A.S. (1971) *Rasselenie yakutov v XVII – nachale XX vv.* [Settling of the Yakuts in the 17th – early 20th centuries]. Yakutsk: Yakut. knizh. Izdatel'stvo.
4. Okladnikov, A.P. (1949) *Istoriya Yakutii. Proshloe Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu* [History of Yakutia. Past of Yakutia before annexation to the Russian state]. Yakutsk: YAKUTGOSIZDAT.
5. Konstantinov, I.V. (1975) Proiskhozhdenie yakutskogo naroda i ee kul'tury [The origin of the Yakut people and its culture]. In: *Yakutiya i ee sosediy v drevnosti: Trudy Prilenskoj arkhologicheskoy ekspeditsii* [Yakutia and its neighbors in Antiquity: Proceedings of the Lena archaeological expedition]. Yakutsk: YaB SB USSR AS.
6. Gogolev, A.I. (2008) Obozrenie etnicheskoy istorii Zapadnoy Yakutii (do nachala XX v.) [Review of the ethnic history of the Western Yakutia (before the beginning of the 20th century)]. *Nauka i obrazovanie*. 3. pp. 66–72.
7. Bakhrushin, S.V. & Tokarev, S.A. (eds) (1953) *Yakutiya v XVII veke (ocherki)* [Yakutia in the 17th century (essays)]. Yakutsk: Yakut. knizh. izdatel'stvo.
8. D'yakonov, V.M. (2002) Kulun-atakhskie pamyatniki doliny Tuymaady [Kulun-atakh monuments of the Tuymaada Valley]. In: Tataurov, S.F., Tataurova, L.V. & Tomilov, N.A. (eds) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic studies]. Omsk; Khanty-Mansiysk: Omsk State Pedagogical University.
9. Alekseev, N.A., Romanova, E.N. & Sokolova, Z.P. (eds) (2013) *Yakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakha)]. Moscow: Nauka.
10. Alekseev, A.N. (2007) O vremeni zaseleniya yakutami basseyna Srednego Vilyuya [On the time of the Yakut settlement of the Middle Viluy basin]. In: Vasil'ev, N.I. (ed.) *Tyurkskiy mir: Mongoliya i Yakutiya (sbornik)* [Turkic world: Mongolia and Yakutia (a collection)]. Ulan-Bator.
11. Miller, G.F. (1957) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura.
12. Nikolaev, S.I. (1957) Osnovnye etapy etnicheskoy istorii vilyuyskikh yakutov [The main stages of the history of ethnic Yakuts of the Viluy]. *Kratkie soobshcheniya In-ta etnografii AN SSSR*. 27. pp. 90–98.
13. Basharin, G.P. (2003) *Istoriya agrarnykh otnosheniy v Yakutii (XV–XVII – seredina XIX v.)* [The history of agrarian relations in Yakutia (15th–17th – the middle of the 19th centuries)]. Moscow: Art-Fleks.
14. Ksenofontov, G.V. (1977) *Elleyada: Materialy po mifologii i legendarnoy istorii yakutov* [Elleyada: Materials on mythology and legendary history of the Yakuts]. Moscow: Nauka.
15. Stepanov, N.T. (1991) *N'yrbakaan ud'uordara (bylyrgy sehenner uonna kepseenner)*. Yakutsk: Poligrafist. (In Yakut).
16. Lindenau, Ya.I. (1983) *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII v.): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Description of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East]. Magadan: Knizh. izdatel'stvo.
17. Tokarev, S.A. (1945) *Obshchestvennyy stroy yakutov XVII–XVIII vv.* [The social system of the Yakuts of the 17th–18th centuries]. Yakutsk: Yakut. knizh. izdatel'stvo.
18. Seroshevskiy, V.L. (1973) *Yakuty: Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts: Experience of ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN.
19. Ivanov, V.F. (1974) *Istoriko-etnograficheskoe izuchenie Yakutii XVII–XVIII vv.* [Historical and ethnographic study of Yakutia of the 17th–18th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Kosarev, M.F. (1991) *Drevnyaya istoriya Zapadnoy Sibiri: Chelovek i prirodnyaya sreda* [The ancient history of Western Siberia: man and the natural environment]. Moscow: Nauka.
21. Ushnitskiy, V.V. (2014) *Voprosy izucheniya ranney etnicheskoy istorii i rodovogo sostava narodov Yakutii* [The study of the early history of ethnic and tribal composition of the peoples of Yakutia]. Yakutsk: Institute of Humanitarian Research and Indigenous Peoples of the North, SB RAS.
22. Vasil'ev, V.E. (2015) Imperskaya politika Rossii v Yakutii: vzglyad etnografa na istoriyu rossiyskogo perioda v Severo-Vostochnoy Azii [The imperial policy of Russia in Yakutia: a look of an ethnographer at the history of the Russian period in North-East Asia]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 1 (10). pp. 66–71.
23. Golovnev, A.V. (2009) *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoy Evrazii)* [Anthropology of motion (antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg: Volot.
24. Kryubezi, E. & Alekseev, A. (eds) (2012) *Mir drevnykh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam Sakha-frantsuzskoy arkhologicheskoy ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: Experience of interdisciplinary studies (based on Sakha-French archaeological expedition)]. Yakutsk: NEFU.

Received: 11 November 2016